

Т. А. Жданок¹

РОЛЬ ЛЮДЕЙ С МНОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Вопросы феномена множественной этнокультурной идентичности личности — сфера научных интересов психологов и социологов. Мой доклад базируется на другой основе — практическом опыте политика и правозащитника. Политика, которому русскоязычные жители Латвии дважды доверили представлять их интересы в Европейском парламенте. Правозащитника, хорошо знакомого с практикой защиты различными этническими, лингвистическими, религиозными меньшинствами, в том числе русскоязычными жителями ЕС, своих прав. Наконец, политика, имеющего опыт работы в партии «Европейский свободный альянс», лоббирующей интересы традиционных этнических меньшинств и конституционных регионов стран Евросоюза.

На основании данного опыта я могу привести множество примеров влияния фактора наличия в том

или ином государстве представителей меньшинств на межгосударственные отношения страны проживания и страны происхождения. Особенно существенно такое влияние в случае, когда речь идет о большой группе традиционного этнического, лингвистического или религиозного меньшинства. Рассмотрим следующие характерные ситуации.

Первая модель: государство проживания проводит политику, позволяющую представителям меньшинства сохранять и развивать двойную идентичность, связанную со страной проживания и страной происхождения. В этом случае представители меньшинства являются естественным «мостом» между данными странами и способствуют налаживанию хороших отношений между ними. Характерным примером этой модели могут служить два «мостика», введенные в Шлезвиге-Гольштейне: один формирует датское меньшинство Германии, второй — немецкое меньшинство Дании. Отрезок в 65 лет с момента окончания Второй мировой войны был отнюдь не безоблачным в сфере взаимоотношений меньшинства и большинства как по одну сторону границы, так и по другую. Начальный его этап, учитывая из-

¹ Депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики. Сопредседатель правления партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Задачи-тесты по высшей математики: Множества. Функции. Пределы. Производные», «Задачи письменных вступительных экзаменов по математике в 1983 и 1984 гг. (с решениями)» и др. Одна из основателей Европейского русского альянса.

вестные исторические события, был особенно сложным, и это накладывало отпечаток на межгосударственные отношения. Но в кризисные моменты все стороны смогли проявить и мудрость, и настойчивость. Сейчас регион является образцом для других. Хотя один знакомый евродепутат, эксперт в области прав меньшинств, любит повторять сакраментальную фразу: «Я еще ни разу не встретил меньшинство, абсолютно довольное своим положением».

Второй и, к сожалению, более распространенный случай — когда государство проживания проводит политику насильственной ассимиляции своих меньшинств. Здесь можно выделить две полярные ситуации. Один крайний случай: меньшинство добровольно принимает такую политику. Во втором крайнем случае происходит самоизоляция меньшинства, ведущая к формированию в государстве второй общины. На практике чаще всего встречается более сложное сочетание, когда меньшинство делится на «ассимилянтов» и «изоляционистов». В этом случае дальнейшее развитие межгосударственных отношений зависит как от влияния той или иной группы в среде меньшинства, так и от соотношения сил между различными политическими силами в стране происхождения, отличающимся отношением к своей диаспоре. Примеры данной модели и ее разновидности можно найти в одном небольшом регионе — странах Балтии. В отношении русскоязычного меньшинства Литвы можно смело говорить о набирающем темпы процессе ассимиляции. Поскольку она осуществляется на принудительно-добровольной основе, вопрос положения «своего» меньшинства практически не стоит в повестке дня межгосударственных литовско-российских отношений. Однако он является краеугольным как в отношениях между Россией и Латвией, так и в отношениях между Россией и Эстонией. В обеих странах, причем в Латвии в большей степени, русскоязычное население сумело организовать сопротивление политике ассимиляции. Общество включает две языковые общины. Правда, мы не можем применять здесь термин «двухобщинное государство», поскольку такая ситуация не закреплена законодательно (как в Бельгии, например). Именно в плоскости борьбы за придание официального статуса русскому языку и лежит вопрос воспроизводства общины.

Каково отношение России к этим устремлениям? В начале 1990-х годов мы наблюдали полное игнорирование этого вопроса со стороны президента государства, других официальных лиц. Когда в 1990 году Борис Ельцин был в Латвии с официальным визитом, он отказался встречаться с оппозиционными депутатами, собиравшимися обратиться его внимание на опасность нарушения прав русскоязычного населения. Но в дальнейшем мы смогли изменить отношение к нам в России. В Латвии насчитывается 1 млн человек русскоязычных. Подавляющее большинство этих людей не мирится со своим дискриминируемым положением. У каждого из нас обязательно найдутся родственники или знакомые в России. Это означает, что 10 млн граждан России знают лично, не по-

наслышке, что в Латвии русскоязычные жители лишены ряда существенных прав. Эти люди являются весомым электоратом для российских политиков. Именно поэтому сейчас практически ни одна партия в России не отрицает наличия проблемы дискриминации русскоязычного населения в Латвии и Эстонии. Но в России имеется влиятельное экономическое лобби, которому эта ситуация не нравится, так как мешает «делать бизнес». Поэтому многие российские деятели стараются поддерживать центристские партии «ассимилянтов» в Латвии и Эстонии и ослаблять русское движение сопротивления. Аналогичный конфликт в настоящее время мы наблюдаем между разными политическими партиями Венгрии в вопросе об отношении к своей диаспоре. Особенно сильно он разгорается сейчас, после принятия в Словакии нового Закона «О государственном языке», дискриминирующего представителей венгерского меньшинства.

Рассмотренные примеры на первый взгляд позволяют сделать, казалось бы, простой вывод о том, что лучшим способом решения возможного конфликта является ускоренная ассимиляция меньшинства и усиление национального государства. Тем более что с целью влияния на межгосударственные отношения такой конфликт можно спровоцировать, чему есть множество примеров. Но мы живем в эпоху, когда существующие и стремительно совершенствующиеся технологии позволяют людям выстраивать горизонтальные контакты, служащие сохранению и укреплению их языково-культурной связи со страной происхождения. То есть препятствием на пути усиления национально-государственной идентичности стал технический прогресс. Построение страны в виде большого этнографического музея, о чем грезят некоторые национальные романтики, — абсолютная утопия.

Самоопределение современного человека становится все более многоуровневым. Это приводит к осознанию им своей множественной идентичности: континентальной, федералистской, национальной, региональной, этнокультурной, конфессиональной, корпоративной, профессиональной.

При этом следует обратить внимание еще на один феномен: усиление роли каждого из этих уровней может изменять влияние другого. Например, многие представители конституционных регионов, выступающие за их полную национальную независимость, видят в усилении федеративных связей внутри Европейского Союза фактор, способствующий решению поставленной ими задачи. И если, например, британские тори становятся все большими евроскептиками, то Шотландская национальная партия, выступающая за государственную независимость автономии, причисляет себя к проевропейцам. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в автономных регионах Испании.

На мой взгляд, стимулирование развития множественной личностной идентичности — единственная адекватная реалиям XXI века стратегия достижения цели бесконфликтного существования культур, народов, цивилизаций.